

У деревенского пруда.

Собралось человек десять — стирали белье; были тут и совсем молодые девицы да парни, и почтенные деревенские тетушки с фуланами.

В коротких перерывах между глухими ударами вальков над водой то и дело взлетали раскаты смеха — шутки и веселые разговоры не утихали ни на миг.

Чанся и Ян Сяотао, каждый со своим тяжелым тазом, полным белья, подошли к воде, сразу же привлекая к себе всеобщее внимание.

Одна из разбитных молодежи звонко, на всю округу, окликнула их:

— Ой, глядите-ка, это ж наш братец Ся да сестрица Тао пожаловали! Что, неужто в доме сегодня дел поубавилось?

Подошедшие спешно поклонились, окликая почтенную тетушку, а после обменялись парой ласковых слов с другими замужними женщинами и шуаньэрами.

Чанся от природы был робким, но папа Чэнь Чжи с малых лет всюду водил его с собой, приучая узнавать односельчан и вежливо здороваться при встрече, так что нелюдимою чуркой или зашитым мешком он никогда не слыл.

Выбрав свободное местечко, они оба присели на корточки и первым делом опустили белье в прохладную воду пруда, чтобы оно хорошенько напиталось влагой.

Ян Сяотао едва заметно поджимала губы, ее щеки горели ярким румянцем, и она то и дело украдкой бросала взгляд туда, где пруд сливался с речной гладью, но тут же испуганно отводила глаза.

Этот пруд много лет назад общими силами выкопали жители деревни Ваньэр, пустив в него чистые воды из реки Цинмэй; берега его были аккуратно обложены прочными валунами и гладкими сизыми плитами.

Располагался водоем у самого Старого поселения, так что чаще всего здесь собирались для стирки и домашних нужд те, кто жил поблизости.

Впрочем, обитатели других окраин тоже частенько забредали сюда — по большей части ради того, чтобы побыть на людях да послушать свежие сплетни.

Сам Чанся и Ян Сяотао заглядывали к пруду редко: обычно они стирали либо во дворе, либо ходили напрямиком к речному берегу, что был гораздо ближе к их домам.

Но сегодняшний день был особенным.

Именно сегодня должен был приехать тот самый парень, с которым Ян Сяотао тайно сосватали.

Этого молодого крестьянина звали Ли Шэн. Был он всего на год старше Ян Сяотао, исполнилось ему нынче восемнадцать, а родом он был из соседнего поселения Чжаоли.

Родители с обеих сторон уже переговорили через сваху и сговорились, что как раз в этот час Ли Шэн вместе со своими сверстниками отправится на лодке вверх по реке Цинмэй на рыбный промысел.

Если сесть со стиркой у этого пруда, то и река окажется совсем близко, и обзор отсюда открывался широкий — всё можно было разглядеть без труда.

И это была лишь первая причина.

Коли уж семьи заслали сватов и дело пошло на лад, молодым людям при первой встрече негоже видеться с глазу на глаз, без свидетелей. Куда лучше и достойнее — открыто, при всем честном народе явить друг другу свой лик.

Таков уж был заведенный в этих краях обычай: даже если сватовство под конец расстроится и дело не сладится, никто из досужих языков не посмеет пустить грязную сплетню.

Стирающие женщины, заприметив густой румянец на лице Ян Сяотао, вмиг смекнули, ради какой надобности девица явилась к пруду, и уже собирались было добродушно поддразнить ее.

Однако в ту же пору в низовьях реки показалась легкая лодка. Догадавшись, что это плывут те самые парни, кумушки прикусили языки и притихли, не желая показаться навязчивыми и портить молодым свидание.

Чанся в подобных делах опыта не имел, и глядя на то, как сильно волнуется и трепещет Ян Сяотао, сам невольно занервничал и заерзал на месте.

На носу и на корме лодки, выпрямившись во весь рост, стояли люди — всего четверо молодых парней, каждый из которых уверенно держал в руках длинный деревянный шест.

Тот, что стоял на самом носу, был облачен в простую холщовую рабочую куртку, но одежда его была самой чистой и ладной, и к тому же он единственный среди товарищей не надел соломенной широкополой шляпы-доули.

Речной затон у пруда слегка выдавался вперед, а поскольку на берегу не росло больших раскидистых деревьев, рассмотреть сидевших у воды можно было до мельчайших деталей.

Едва лодка приблизилась к пруду, Ли Шэн невольно расправил плечи и выпрямил спину, но тут же вспомнил, что ему надобно править судном, и принялся с удвоенной силой упираться шестом в дно.

Быть может, другие и не заметили его суматохи, но сам он ужасно устыдился своей неловкости. Страшась, как бы девица не разгадала его волнения, он напустил на себя суровый вид и изо всех сил делал вид, будто ничего из ряда вон выходящего не происходит.

Когда лодка медленно поравнялась с прудом, он как бы невзначай скользнул взором по берегу и в то же мгновение заприметил среди стирающих девушку, в чьи косы был вплетен нежно-розовый шелковый цветок.

Сердце его бешено заколотилось, а к лицу прильнул жар.

Он видел Ян Сяотао не впервые: месяца три назад ему довелось забрести по делам в деревню Ваньэр, и на дороге ему повстречалась девица с черными, как вороново крыло, волосами. Вернувшись в родной дом, он тут же принялся умолять отца с матерью разузнать через знакомых, чья это дочь.

Глаза Ли Шэна на миг радостно блеснули, но заприметив, что деревенские тетушки и шуаньэры у воды тихонько посмеиваются, он в панике отвел взгляд, а его шест принялся

беспорядочно и невпопад шлепать по воде.

Благо, верные товарищи вовремя подсобили с веслами, и лодка, качаясь на волнах, медленно поплыла дальше.

У Ян Сяотао уши покраснели так, что это было видно издалека. Она не проронила ни слова, но деревянный валец в ее руках стучал уже не так споро и звонко, как прежде — видать, все мысли девушки были заняты совсем другим.

Чанся тоже успел разглядеть Ли Шэна.

Парень был смуглым, поджарым, с крупными ясными глазами и приятным лицом — сразу видно, справный работник.

Впрочем, едва сидевшие в лодке парни принялись то и дело коситься в их сторону, Чанся не на шутку струсил: куда ему было глазеть дальше! Он поспешно опустил голову и замер, не издавая ни звука.

Дождавшись, пока лодка скроется за поворотом реки и гребцы точно не смогут расслышать их голосов, бабы у воды снова зашумели и залились смехом. Одна из почтенных тетушек, весело подмигнув, зычно крикнула:

— Ну что, Сяотао, это и есть твой суженый?

Слова не были высказаны до конца, но каждая из присутствующих поняла, о чем речь.

Не успела Ян Сяотао и рта раскрыть, как другая молодница подхватила:

— Видали, как он шестом-то махал? Из сил выбивался, сердешный, всё боялся, как бы наша красавица его не приметила!

Все дружно расхохотались. Ян Сяотао, сгорая от стыда и напускной досады, топнула ножкой:

— Тетушка, ну что вы такое говорите!

В этом притворном гневе молодой девицы не было настоящей злобы, а сквозила лишь чистая, ребяческая капризность, которая ни у кого не могла вызвать раздражения или обиды.

Заметив, что кумушки собираются раззадориться еще пуще, Ян Сяотао спешно схватила Чанся за рукав, подхватила таз с мокрым бельем и, пылая лицом от смущения, поспешила прочь от пруда.

— Ну вот, застыдили девку, языка унять не можете, — шутливо пожурила подруг одна из оставшихся женщин, заступаясь за ушедших.

Впрочем, те бабы зла не замыслили, а подняли шум лишь ради веселья.

Хотя нашлись и те, у кого от этой картины на душе кошки заскребли. Глядя, как чужие дети легко находят свою долю и справляют свадьбы, в то время как собственные сыновья да дочери годами сидят в девках да в бобылях, разве можно было оставаться в благостном расположении духа?

Но высказать вслух обидное слово никто не решился — не с руки было без повода лаяться на людей. Им оставалось лишь втихомолку закатывать глаза да исходить глухой досадой.

О том, какие разговоры велись за их спинами, беглецы так и не узнали.

В доме Ян домашние с нетерпением дожидались возвращения дочери, желая расспросить ее о женихе. Чанся знал, что подруге сейчас будет не до него, а потому, едва они поравнялись с калиткой ее подворья, негромко произнес:

— Ну, я пойду к себе.

Ян Сяотао, чьи щеки всё еще горели ярким румянцем, согласно кивнула головой.

Вернувшись в родной двор, Чанся сокрушенно вздохнул: белье-то он так и не достирал, лучше бы вообще не носил к пруду целый таз.

Он зачерпнул ковшом чистой воды из кадушки, примостился на низенькую скамеечку и успел лишь пару раз потереть холстину, как дверь восточного флигеля с тихим скрипом отворилась.

Увидев вышедшего на крыльцо Пэй Яо, Чанся на миг замер, после чего поспешно опустил ресницы и как ни в чем не бывало принялся тереть белье дальше.

Пэй Яо замер на крыльце, скрестив руки на груди. Глядя на это безмолвное, кроткое создание, он вдруг с легкой усмешкой спросил:

— Ну что, разглядел?

Чанся оторопел и с полным непониманием уставился на него.

Пэй Яо язвительно процедил сквозь зубы:

— Я спрашиваю: ты ведь таскался за ней, чтобы на жениха поглазеть? Ну и как, сподобился увидеть?

Чанся расслышал в его голосе глухое недовольство, но истинной причины уразуметь не мог, а потому лишь честно кивнул головой:

— Да, видел.

Пэй Яо аж поперхнулся от такой простоты — он никак не ожидал, что этот дуралей признается во всем столь открыто. В его груди вновь заклокотала непонятная, яростная злоба; одарив Чанся свирепым взглядом, он круто повернулся и скрылся в комнате.

Хлоп!

Тяжелая дверь флигеля захлопнулась с такой силой, что сидевшая в главном зале Доу Цзиньхуа, которая мирно дремала на стуле, вскинула голову и с минуту удивленно глядела в окно.

Старость — не радость, и когда ей приходилось всматриваться вдаль, глаза ее сами собой зажмуривались, а морщины у век собирались в глубокие складки.

«Опять, никак, повздорили, — подумала старушка. — У внука нрав, конечно, крут, да только Чанся — дитя смирное, он его зазря злить не станет».

Но разбираться, кто прав, кто виноват в этих ссорах — дело пустое. Доу Цзиньхуа, точь-в-точь как и Чэнь Чжи, никогда не лезла с поучениями к рассерженному Пэй Яо, и уж тем паче не

стала бы бранить Чанся из-за глупых перебранок.

Летний зной нагонял неодолимую дремоту. Глаза старушки снова сами собой сомкнулись, она подперла голову рукой и погрузилась в сладкий полусон.

Сумерки.

Солнце едва скрылось за вершинами гор, окрасив небосвод багряными, огненными всполохами, а на темнеющем небе уже зажегся тонкий рожок молодого месяца.

После долгого, изнурительного трудового дня в эти благословенные минуты у каждого крестьянина с души словно сваливался тяжелый камень.

Толпа ребятишек, наспех отужинав, с веселым криком носилась по деревенским улочкам. Но стоило светилу окончательно утонуть в вечерней дымке и на землю опустились первые сумерки, как изо всех дворов раздались зычные, протяжные голоса матерей, сзывающих своих чад по домам.

Сквозь густую листву деревьев эти крики казались далекими и тихими; вскоре ночная тьма окончательно укурила землю, и вся деревня Ваньэр погрузилась в глубокое безмолвие.

Небо еще не успело полностью почернеть.

Все домашние в семействе Пэй уже разошлись по своим комнатам, как вдруг в дверь Чанся тихонько постучали.

Будь это папа, он бы еще до стука подал голос. Этот же безмолвный, глухой стук заставил сердце Чанся уйти в пятки — он вмиг разгадал, кто стоит за порогом.

Грудь его судорожно вздымалась от волнения.

Он до смерти боялся, что Пэй Яо ворвется внутрь и снова примется творить то непотребство, что и в прошлый раз...

— Чанся, выходи наружу, — раздался из-за двери нетерпеливый, резкий голос Пэй Яо.

Поколебавшись и перемявшись с ноги на ногу, Чанся всё же решился приоткрыть дверь флигеля.

На дворе стояли густые сумерки. Пэй Яо замер в паре шагов от крыльца; заприметив, что суженый вышел, он демонстративно отвернулся в сторону, не желая смотреть на него, и лишь молча протянул вперед широкую ладонь.

Чанся перевел взгляд на его руку и заприметил там крохотную деревянную фигурку. Помедлив мгновение, он бережно принял подношение и едва слышно спросил:

— Это... это мне?

— Угу, — буркнул Пэй Яо. Вид у него был взъерошенный и недовольный, брови сурово сдвинуты, а дыхание казалось неровным.

В вечерней полутьме рассмотреть вещицу было непросто, но Чанся, хорошенько вглядевшись, наконец разобрал, что это был маленький деревянный гусь. Глазки птицы были обозначены крохотными черными точками, отчего вид она имела весьма глуповатый и простодушный.

—Глупый гусь? — сорвалось у него с языка против воли.

Пэй Яо круто обернулся к нему, и в голосе его прозвучала неприкрытая досада:

— Ну да, гусь лапчатый, дурень неотесанный — точь-в-точь как ты сам!

Чанся замер, и лишь спустя мгновение до его сознания дошел смысл этих слов: выходит, брат пришел, чтобы обозвать его дураком!

С самого детства, сколько он себя помнил, кричать ему обидные слова в спину смели разве что чужие мальчишки на улице — да и те спустя пару дней неизменно ходили с синяками, знатно битые Пэй Яо.

Что же касается самого Пэй Яо, то пусть он порой и хмурился, и ходил мрачнее тучи, не желая с ним знаться, но обидным словом не обижал никогда и уж тем более не давал в обиду.

Волна невыразимого, жгучего стыда и обиды захлестнула душу бедного шуанъэра. Лицо его вмиг вспыхнуло пунцовым румянцем, а в глазах защипало от подступивших слез. Сдерживая рыдания из последних сил, он лишь прерывисто выдохнул:

— Ты... да как ты...

Голос его сорвался и задрожал — видать, парень и впрямь расплакался от обиды.

Пэй Яо оторопел, плотно сжал губы и растерянно замер на месте, не зная, что предпринять.

Он ведь еще в полдень, едва вернувшись в усадьбу, замыслил сделать Чанся подарок. Да только бабушка обмолвилась, что приемыша утащила с собой Ян Сяотао — дескать, пошли на чужого мужика глазеть. От этих мыслей у него весь день на душе кошки скребли.

Теперь же ночь окончательно вступила в свои права; блеклый свет луны и звезд едва позволял различить очертания лиц.

Не успел Чанся опомниться, как Пэй Яо ловким движением выхватил деревянную птицу из его пальцев, а взамен силой вложил в его ладонь какую-то иную вещь.

Чувствуя за собой вину и изрядно досадуя на собственную глупость, юноша бесцеремонно толкнул Чанся обратно в западный флигель, ворча под нос:

— Ладно тебе, ладно, не реви... Никто тебя дураком не звал, это я про себя самого толковал, ясно тебе? Да и гусь этот вовсе не для тебя ковырялся!

Чанся оказался вытолкнут в собственные покои, и не успел он даже потянуться к дверной ручке, как тяжелая створка с грохотом захлопнулась перед самым его носом.

Утерев рукавом непрошеные слезы, он в сердцах стиснул кулак, намереваясь со всей силы швырнуть подношение на пол. Но едва замахнувшись, постоял немного, гнев его мало-помалу улегся, и он, вконец приуныв, послушно задвинул тяжелый деревянный засов.

Бросив безделушку на грубо сколоченный стол, парень забрался на кан и улегся спать.

Когда же на следующее утро он проснулся, всё еще пребывая в дурном расположении духа, в лучах утреннего солнца он наконец сумел разглядеть, что за вещь покоилась на столе.

Это была искусно вырезанная и покрытая яркими красками уточка-мандаринка [в китайской культуре традиционный символ супружеской верности, любви и вечного союза. Парные фигурки или изображения мандаринок принято дарить в знак помолвки или на свадьбу.].

*

На редкость выдался пасмурный день — прохладный и благодатный.

Солнце было плотно укутано тяжелыми свинцовыми тучами, и лишь изредка сквозь рваные края облаков пробивался слабый лучик света.

И хотя небо заволокли тучи, окрест на удивление оставалось светло; с первого взгляда было ясно, что затяжного ненастья ждать не стоит — даже если прольется пара капель, дождь утихнет в мгновение ока.

Стая собак носилась из одного конца деревни в другой. Собравшись вместе, они с лаем кружили по улицам, словно что-то бурно обсуждали. Стоило жаре спасть, как они тут же повеселели.

Чанся спускался с горной тропинки, неся за спиной огромную охапку свежих цветов.

Нежно-розовые лепестки, ярко-желтые сердцевины, а кое-где среди них виднелись еще плотно закрытые, бледно-зеленые бутоны.

Цветочные стебли пышным ворохом вываливались из бамбукового короба, весело и привольно покачиваясь в такт его шагам.

Этот чистый, нежный розовый цвет радовал взор своей первозданной свежестью. Он ярким сполохом ворвался в привычное глазу унылое однообразие деревенского быта, где вечно царила лишь зеленая листва деревьев да серо-желтая сухая глина, представ пред миром ослепительно ярким, лучезарным пятном.

Заприметив, что их собственный белый пес весело резвится среди прочей собачьей своры, Чанся приветливо улыбнулся и негромко позвал:

— Сяо Бай!

Белоснежный пес, радостно виляя хвостом, со всех ног бросился к хозяину и принялся ластиться, труясь мордой о его колени. Чанся низко наклонился и протянул ему сорванный цветок.

Пес уткнулся носом в лепестки и принялся подолгу вынюхивать тонкий аромат, а юноша со светлой улыбкой терпеливо дожидался, пока тот удовлетворит свое любопытство.

Увидев, что остальная собачья стая потянулась в глубь деревни, Сяо Бай вскинул голову, звонко тьякнул на Чанся, словно прощаясь, и припустил во всю прыть вслед за товарищами.

О четырех ногах бежать всяко спорее; Чанся же, подхватив короб, побрел дальше неторопливым шагом, и на лице его застыло редкое для него выражение полного, безмятежного покоя.

Едва переступив порог родного подворья, он скинул с плеч корзину и бережно извлек наружу огромный ворох пышных розовых цветов.

Старый верный пес, дремавший у крыльца, лениво потрусил к нему, сперва обнюхал пустой короб, а после вскинул умную морду, разглядывая цветы, которые Чанся бережно прижимал к груди.

Юноша низко опустил голову, и до его слуха донесся тонкий, едва различимый цветочный аромат.

Розовые отсветы лепестков легли на его бледное лицо, отчего казалось, будто и на его щеках проступил нежный, румянец. В ясных, чистых глазах светилась кроткая улыбка, полная детского, бесхитростного простодушия.

Цветы и человек слились в одно прекрасное целое.

Пэй Яо, только что закончивший кормить птицу на заднем дворе, вышел на крыльцо и замер как вкопанный, застигнув эту картину врасплох.

Взор его намертво приковало к этому лицу, которое в это мгновение казалось на редкость живым, цветущим и бесконечно милым.

<http://bllate.org/book/17875/1727362>